В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародины славян). Минск, 1963, 250 стр.

«Требуется немало мужества для того, чтобы подвергнуть новому связному пересмотру всю проблему германских заимствований в славянском». Эти слова, сказанные почти тридцать лет тому назад Стендер-Петерсеном по поводу известной книги Кипарского 1934 г., могут быть с полным правом повторены сейчас, особенно если речь идет об исследовании, которое стремится раздвинуть рамки традиционной проблематики германо-славянских лексических отношений, уделяя при этом необычно большое внимание взаимодействию обеих сторон, в том числе и славянским проникновениям в германский.

В. В. Мартынов, уже опубликовавший до этого несколько статей по германо-славянским языковым контактам, начинает свою новую книгу с Введения, содержащего обзор теорий славянской прародины в трудах различных языковедов и археологов. Там же он намечает наиболее актуальные специально лингвистические задачи современного исследования проблемы и методику такого исследования. Не останавливаясь на наблюдениях автора о прародине славян и на других вопросах, сохраняющих значение внешних моментов по отношению к языковому материалу, обратимся сразу к этому последнему. Книга В. В. Мартынова — исследование по преимуществу этимологическое. Ее основное содержание распадается на две части: I. Лексические проникновения и заимствования из прагерманского в праславянский; II. Лексические проникновения и заимствования из праславянского в прагерманский. Книга подготовлена, несомненно, с большим трудолюбием и тщательностью и обобщает результаты работы над обширным материалом. Автор взялся за эту трудную тему с полным сознанием своей ответственности. Мы видим также и не можем не оценить его честные усилия обогатить проблематику новым материалом, расширить отдельные аспекты (славянские элементы в германском), сделать методику исследования более современной и строгой. Высокой похвалы заслуживает объективный, научный тон исследования, который, как известно, не всегда соблюдался другими учеными в тех случаях, когда они обращались к вопросу о заимствованиях и влияниях.

Автор придает большое значение семантическому анализу в плане микроструктур. Он вкладывает особый смысл в различение заимствований от проникновений лексики, но ощутимой разницы между этими категориями ему не удается выявить; и то и другое, с нашей точки зрения, — заимствование. Строгость классификации лексики по степени надежности, применяемая в книге с большой степенью детализации, скрывает в себе достаточно субъективного. Далеко не всегда удачно обращается автор с конкретным этимологизируемым материалом. Первая из основных двух частей работы, занимающая относительно меньше места, посвящена германским лексическим элементам в славянском. Здесь преобладает материал, в основном уже известный науке, и коррективы касаются больше деталей. Так, к сожалению, автор, говоря о заимствовании прагерм. **hūsa-* (стр. 46), опускает такую интересную деталь славянских форм, как варианты **xys-*, **xyz-*, которые еще предыдущими исследователями были удачно интерпретированы как древнее (*-s-*) и более новое (*-z-*) заимствование, отражающее озвончение в германском источнике. Вместо этого наблюдения, существенного для относительной хронологии и стратиграфии заимствований, автор однозначно толкует слав. *-z-* (об *-s-* он вообще не говорит) как субституцию (?) прагерманского *-s-*. На стр. 37 содержится мысль, что славянские слова на *-ędzъ* не могут рассматриваться как исконные, так как этот суффикс не был продуктивным в праславян-

ском; на стр. 48 еще более определенно говорится, что славянские языки не знают ни одного исконного слова на *-ędzъ*. Это утверждение мы считаем по меньшей мере непроверенным. Отнесение к примерам «с максимальной относительной надежностью» слов *stado*, *vedro* (стр. 53 и сл.), которые, таким образом, попадают в число германизмов, вызывает у нас серьезные сомнения. Неверно, что слово *cěsarь* «чужеродно» для восточнославянских языков (стр. 69), так как именно от этой формы — русск. *царь*, народное слово восточных славян. Укр. *річ*, блр. *рэч* в значении 'вещь' — бесспорные полонизмы, по крайней мере семантические, поэтому перечислять их наравне с польск. *rzecz* (стр. 77) нельзя. Вопрос осложняется возможностью влияния лат. *res* на всю эту группу. Борти не выдалбливались (стр. 81), а, вероятно, помечались зарубками, ср. так называемые бортные знамена. Лат. *com-pania* отражает влияние не германского образца (стр. 86), а скорее греческого. Необоснованно строги суждения автора о невозможности образования *plъtъ* от *plyti* (стр. 100).

Вторая часть книги посвящена лексическим проникновениям и заимствованиям из праславянского в прагерманский. Здесь автор в таком же порядке рассматривает целый ряд этимологических случаев, среди них — несколько новых в литературе. Эта часть занимает больше половины всей работы. Здесь говорится о заимствовании (или проникновении) в прагерманский славянских слов *borъ*, *dělъ*, *xvatъ*, *jьstъba*, *molto*, *netьjь*, *osenь*, *soči i*, *tьlo*, *tynъ*, *vorgъ*, *-dobati*, *xъmelь*, *kupiti*, *lugъ* 'щелок', *lukъ*, *modliti*, *platъ*, *plugъ*, *sedъlo*, *sьrebro*, *skopъ*, *skotъ*, *tęža*, *vъpiti*, *bl'udo*, *bolь*, *čędo*, *drugъ*, *kurъva* (правильнее *kury/-ъve*), *lěkъ*, *lěčiti*, *likъ*, *mečь/mьčь*, *olъ*, *prǫžiti*, *pъlkъ*, *selo*, *selitva*, *sъnědь*, *trusъ*. Обсуждение всех этих слов является трудным делом, невыполнимым в рамках небольшой рецензии. Мы ограничимся здесь главным образом тем, что выразим мнение о некоторой неправомерности расширения В. В. Мартыновым круга славянских лексических элементов в германском. В принципе никто сейчас не будет спорить против реального наличия таких древних элементов. Споры так или иначе коснутся частностей, деталей, как правило очень сложных. Это видно и из работы Мартынова. С ним следует солидаризироваться в его стремлении преодолеть определенную старую инерцию в европейском языкознании, в результате которой славянские заимствования в германском обычно игнорировались. Но дело, конечно, не только в этой инерции, а, по-видимому, в том, что сами германизмы в славянском вообще легче выявимы, чем славянизмы в германских языках. Эта особенность может находиться в сложной зависимости и от сравнительной степени дифференцированности германских диалектов и славянских. Есть основания полагать, что древние междиалектные отношения у германцев были сложнее, а различия — глубже, чем между славянскими диалектами, представленными более компактной совокупностью. С такой ситуацией надо считаться как в германо-славянских, так и в финно-славянских отношениях, аналогию между которыми мы видим в том, что в обоих случаях компактность славянского языкового пространства обеспечивает легкость проникновения иноязычных элементов, тогда как сложность междиалектных отношений соседней со славянами группы диалектов (германские, финские) затрудняет быстрое распространение славянизмов на сколько-нибудь значительных пространствах. Иными словами, вопрос о древних германо-славянских контактах не нужно ставить в зависимость от наличия или отсутствия славянских слов в древнем германском. Что касается перечня Мартынова, то он настраивает скорее скептически большим количеством сомнительных случаев. Мы бы сохранили в списке древних славянских элементов германской лексики более уверенно лишь *netьjь*, *xъmelь*, *plugъ*, *sedъlo*, *skopъ*, *skotъ*, *kury*, *mečь*. В остальном весь материал нуждается во внимательной проверке как с германской, так и со славянской стороны, потому что, несмотря на добросовестность автора, он допустил немало неточностей. Подробный перечень таких мест сильно увеличил бы нашу краткую рецензию. Так, производя *jьstъba* от *jьstъ*

'подлинный, сам' (стр. 122 и сл.), автор должен был позаботиться оправдать это несколько странное словообразовательное сочетание, потому что известно много отглагольных имен на *-ьba*, одно на *-iba*, несколько производных на *-oba* и ни одного на *-ъba* в славянских языках. Все это нуждалось хотя бы в беглом обзоре, иначе эта словообразовательная сторона славянского материала остается непродуманной. Автор не всегда считается с возможностью наличия древних диалектных слов, например отсутствие соответствий др.-прусск. *assanis* в восточнобалтийских он толкует как результат германского происхождения этого слова (стр. 133). Опечаток относительно мало: на стр. 167 вместо др.-иран. надо читать др.-ирл.; на стр. 173 вместо праслав. *pol-t-no* нужно *pol-t-ьno*. Из менее удачных этимологических комментариев отметим неубедительность критики старой этимологии слова курьва (стр. 208—209), которое, несомненно, образовано от *kurъ* 'петух' как производное с *ū*-основой (*kury*) жен. рода. Реально-семантическое обоснование такого названия 'курица' > 'распутная женщина' надо видеть не в современных воззрениях (франц. *cocotte* и т. д.), а в том, что подобным наименованием была схвачена наиболее броская черта — похотливость, точно так же, как в с.-хорв. *кӯрац* 'membrum virile'. Аналогично, например, русск. диал. *пóтка* (**рътъка*) 'membrum virile у мальчиков'. Этимологизировать это древнее презрительное слово, ругательство, в связи с *praščurъ* или греч. κύριος или реконструировать значение *kury/ъve* как 'принадлежащая роду, общине, женщина рода' (!) было бы просто абсурдно. Кончая эти выборочные замечания, укажем, что в книге с исключительно лексическим материалом нет индекса слов, что затрудняет пользование ей.

И последнее: книга неверно названа «Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры», так как есть основания полагать, что древнейшим лексическим взаимодействием для таких двух индоевропейских диалектных групп, как германский и славянский, были общие лексические инновации.

Следовательно, в целом учение о славяно-германских языковых отношениях распадается на: 1) общие индоевропейские архаизмы; 2) общие славяно-германские инновации в условиях древней территориальной близости и в силу близкого родства; 3) собственно «germanisch-slavische Lehnwortkunde», — где последовательность отражает и хронологический порядок. Мы полагаем, что Мартынов посвятил свою книгу этому третьему, т. е. отнюдь не древнейшему, этапу славяно-германских отношений, оставшись в известном смысле здесь в русле традиции, поэтому его работа в общем довольно близка к трудам Стендер-Петерсена и Кипарского, изучавших именно отношения заимствования между славянским и германским. Задача состоит в дальнейшем систематическом изучении всех названных выше, и особенно второго этапа, славяно-германских отношений, который можно с полным правом определить как древнейшее взаимодействие между этими языками.

О. Н. Трубачев

H. Striedter-Temps. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin—Wiesbaden, 1963 (=«Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin», Bd 27), 256 стр.

Рецензируемая работа немецкой лингвистки Х. Штридтер-Темпс является второй книгой, выпущенной ею после вышедшего в 1958 г. исследования немецких заимствований в сербско-хорватском. Обе работы Х. Штридтер-Темпс опубликованы в серии славистических монографий